

Старожилы сёл Самарской Луки хранили тайны сказительского мастерства

Задумайтесь, умеете ли вы рассказывать или хотя бы слушать сказки? К сожалению, и тем и другим искусством владеют сейчас немногие.

Знатоки сказок с удовольствием слушают уже знакомые сюжеты в разном исполнении. Без восприятия сказочного чуда как явления, достойного удивления, а сказочной шутки - как явления, достойного усмешки, вы, слушая сказку, её не услышите. Здесь необходимо определённое простодушие: слушатель и сказитель должны быть добры и восприимчивы к чудесам. Если в вашей душе кипит злость или ехидство, к сказке не стоит обращаться, вы её не поймёте.

Ещё одно любопытное правило сказочной культуры: сказки лучше не читать, а слушать и сказывать! Точнее, сказку надо представлять. Сказительство - это театр одного актёра.

Хороший сказочник никогда не скрывает от аудитории, что он излагает не более чем занимательную, шутливую ложь с замысловатым художественным сюжетом. Сказка может быть очень страшной, может быть весёлой, но всегда ненавязчивой. В настоящих сказках недопустимы назидания, поучения.

Смеховая культура воспитывалась у крестьян Самарской Луки с раннего детства. Неявным, как и в сказках, смыслом и балагурством характеризуется и народная поэзия, например, прибаутки и загадки.

Настроение слушателей, как уже указывалось, имеет для сказки очень большое значение. И частое в нашей бурной жизни отсутствие у людей необходимого душевного равновесия - важная причина постепенного вымирания древнего искусства. Однажды в селе Торновом я пришёл к мордвину Василию Маркеловичу Пензину, чтобы в очередной раз записать его чудесные сказки. Он, увидев, как я лихорадочно быстро готовлю магнитофон к работе, вдруг спросил:

- Вы торопитесь куда-нибудь?

- Нет, - говорю, - не тороплюсь.

- Если торопитесь - разговор у нас не получится. Торопясь, слушать сказку нельзя.

Мне пришлось подчинить своё настроение требованию Маркелыча.

Во все времена аудитория слушателей сказки появлялась там, где люди находились как бы на вынужденном простое: на отдыхе во время сенокоса, в ночном, на сплаве леса, во время рыбной ловли, в дальней дороге.

Подходящий для восприятия сказок душевный настрой возникает у туристов на привале. У походного костра сказка, как и песня, вполне может стать желанным гостем компании. По этой причине можно надеяться, что, совершенствуясь в умении отдыхать, люди снова станут восприимчивыми к сказочной культуре. Я думаю, очень полезно пересказать друзьям прочитанные народные сказки. Находим же мы время для анекдотов. Для сказки нужно больше времени и больше спокойствия. Неспроста сказочники Самарской Луки главным временем для своих представлений выбирали ночь. Хороший сказочник, в понимании самаролукцев, это тот, кто может сказывать до утра. Такие люди были почти в каждом селе. Мне удалось записать несколько таких имён. Этих людей давно уж нет на свете, но есть память об их представлениях. Например, в украинском селе Отважное (его поглотил город Жигулёвск) до 1940 года умел всю ночь рассказывать и держать слушателей в напряжении Иван Пантелеевич Кисилёв. Он родился приблизительно в 1901 году. В 1942-м убит на фронте.

В русском селе Валы такой славой в 1930-х годах пользовался старик Василий Степанович Котов. В чувашских сёлах Кармалы и Севрюкаево в 1940-1960 годах ошеломляющий успех имели сразу три старых сказителя: Фёдор Тимофеев, Николай Ильин и Георгий Алексеев. Они не просто были отличными исполнителями. Они выступали единой труппой. Рассказывали по очереди, «со всеми интонациями». У каждого был свой репертуар, который он исполнял особенно виртуозно.

В селе Жигули в 1930–1960 годах невероятным успехом пользовался дедушка Васяня Крушинин. Он был пастухом. В отличие от других сказочников много читал. Рассказы про жизнь перемежал со сказками, быличками. Его способность говорить до утра пользовалась в селе большим спросом: число желающих послушать дедушку Васяню не уменьшалось, тем более что он был лёгок на подъём до самой смерти.

О том, какое место в жизни села занимали сказочники в первой половине XX века, рассказала мне чувашка Анастасия Семёновна Шестопалова из села Кармалы.

«Сейчас книги, телевизор показывает. А прежде была у нас в Кармалах бабушка Краньца. Она не родная мне бабушка. Ничья. Сирота была. Мы, дети, не больно уж маленькие были. Много нас было в селе. Натаскаем в избу пельменей, яиц. Сидим, а она рассказывает. Длинные сказки рассказывала».

Все эти знаменитости, к сожалению, не оставили никаких текстов. Только народную память. В сборнике «Народная проза Самарской Луки», 2002 года издания, больше всего представлено текстов трёх сказителей. Первый из них - представитель природно-культурного комплекса «Красноречье», русский крестьянин Абрам Кузьмич

Новопольцев (1820–1885). Его записывал на рубеже 1860-х и 1870-х годов Д.Н. Садовников. Происходило это не в родном селе сказителя, а на помещичьей усадьбе Лазаревых, в соседнем селе Новиковка. Ныне это Старомайнский район Ульяновской области. Второй - чуваш Яков Ильич Кальбердин (1905-1989), я записывал в его родном селе Севрюкаево. Ныне это Ставропольский район Самарской области, территория национального парка «Самарская Лука». Третий - мордвин Василий Маркелович Пензин (1906–1993). Его я тоже записывал в родном селе Торновое. Ныне это Волжский район Самарской области, территория национального парка «Самарская Лука». Его сказки, как это и свойственно мордве, менее насыщены волшебными предметами и действиями, но зато пестрят топонимами окрестностей села.

По большому счёту фольклорное произведение (песню, сказку, предание, легенду и т.п.) нельзя ни слушать, ни читать. Их надо видеть и слушать.

Ю. РОЩЕВСКИЙ